

УДК 341

Значение изменения единства первоначальной квалификации, фактических обстоятельств и юридической формулировки преступления**Муратова Н.Г.**

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья продолжает ряд публикаций в научной литературе о значении единства квалификации преступлений в правоприменительной практике.

Современные концепции о значении правильной квалификации преступлений должны быть совместимы с современной состязательной моделью уголовного судопроизводства, единством судебной практики и возможностью исправления квалификационных, фактических и юридических ошибок в правоприменительной практике.

Ключевые слова: квалификация, состав преступления, единство судебной практики, квалификационные ошибки, восполнение пробелов квалификации, модели правильной квалификации.

Квалификация преступлений – это установление и юридическое закрепление тождества конкретного деяния признакам определенного состава преступлений. В основе квалификации преступлений лежат уголовно-правовые нормы, однако уголовно-процессуальные нормы используются для доказательственной базы верной квалификации. Именно поэтому и те, и другие нормы выступают в неразрывном единстве.

Единство многих правовых явлений имеет исторические предпосылки, которые необходимо изучать, познавать и уметь применять в современном правоприменении. Развитие того или иного института современно права неизбежно коренится в истории права, которая преподносит современникам поучительные уроки, которые необходимо знать, усвоить и уметь применять.

Необходимость обращения к историческим корням тех или иных правовых явлений продиктована возможностью ещё раз убедиться в правоте многих рассуждений древних юристов и попытаться найти ответы на различные вопросы возникающих проблем, имеющих древние традиции [1, с. 123]. Интересно в связи с этим исследование А.Х. Гольмстена, который создал теорию о принципе тождества в гражданском процессе [2, с. 14-15], позволяющем по-новому взглянуть на материальные и процессуальные отношения. А.Х. Гольмстен предположил,

что существует некое спорное материальное правоотношение как повод возникновения и дальнейшего существования процессуального отношения. Однажды возникнув, оно может продолжить свое существование лишь под условием сохранения спорным правоотношением своего внутреннего тождества¹.

Работы известных ученых-правоведов XVIII-XIX вв. становятся известными и востребованными благодаря их проницательным и глубоким исследованиям правовых явлений и выводам, к которым они пришли. Так, Н.А. Буцковский в 1874 г. сформулировал, во-первых, общий перечень нарушений форм и обрядов судопроизводства – 63 вида нарушений, во-вторых, перечень нарушений, являющихся поводами к кассации, отмене окончательных приговоров – 15 видов, в-третьих, перечень нарушений, влекущих отмену судебного решения в гражданском судопроизводстве – 47, сформировав таким образом модель кассационного производства в России [3, с. 49-56, 63-65, 118-123].

Концептуально проблемы изменений квалификации в уголовном судопроизводстве стали формироваться под влиянием взглядов И.Я. Фойниц-

¹ «Сила процессуальных норм никогда не может простирается на процессуальные отношения, сила материально-правовых норм не может простирается на процессуальные отношения» [2, с. 5].

кого, который обосновал необходимость изучения ошибочности приговоров и исправления судебных ошибок [4, с. 478, 566], а также вознаграждения невинно привлеченного в суду [5, с. 26]. Тяжелый вред, – говорил И.Я. Фойницкий, – испытывает лицо, невинно наказываемое. Переносимые им душевные страдания, сопровождающий его позор общественный образуют идеальную сторону такого вреда – спутник неправильных судебных приговоров. Вред в материальной форме – потеря заработка, расстройство хозяйства и т.п. Но не только окончательный судебный приговор имеет способность причинять вред, – говорил И.Я. Фойницкий, – то же свойство принадлежит и более ранним актам судебно-уголовной деятельности. И.Я. Фойницкий отмечал, что примерами судебных ошибок, к сожалению, богаты хроники уголовных трибуналов всех стран мира. Неизбежность их лежит в несовершенстве человеческих средств распознавания истины и в необходимости судебной деятельности, которая должна совершаться по возможности быстро. Известный ученый-юрист выдвинул и предложил рассмотреть факт вреда с правовой точки зрения двух идей: идеи предупреждения и идеи вознаграждения [5, с. 9]. Первая требует предотвращения вреда, вторая направлена на устранение последствий вреда. Устранить последствия вреда, причиненного привлечением невинного к суду уголовному, в большей части случаев невозможно. Нет той ценности, пишет И.Я. Фойницкий, которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные заперы; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду, душевные тревоги его близких и его самого, никогда и ничем не могут быть искуплены. Оттого меры вознаграждения за вред всегда будут недостаточны, всегда останется нечто, ими неискупленное; оттого же меры предупреждения такого вреда получают здесь крайне важное значение. В приискации таких мер и состоит задача процессуальных улучшений [5, с. 9-10].

Проф. А.Х. Гольмстен, говоря о значимости судебных решений, отмечал, что результат судебной деятельности – судебное решение, чуждое принуждению, но внушающее уверенность в правомерности, спокойствие за будущее, возможность осуществления своих прав [6, с. 31]. Следует согласиться с совершенно безупречным мнением известного русского ученого-процессуалиста проф. Н.Н. Розина о том, что идеалом правосудия является единое и непоколебимое судебное решение, до конца исчерпывающее процессуальное юридическое отношение путем категорического разрешения правового спора [7, с. 517].

Квалификация преступного деяния – эта та грань правового познания, которая отражает единство фактических данных и их оценку правоприменителем. Именно в плоскости правового по-

знания должны осуществляться все изменения в оценке фактов, правовых признаков и правовой нормы. Так, А.А. Давлетов считает, что процесс уголовно-процессуального познания устанавливает виды юридических обстоятельств и, прежде всего, факт (событие) преступления и уголовно-правовую квалификацию (состав преступления) [8, с. 84-85]. В.Н. Кудрявцев, поддерживая Г.А. Левицкого, отмечал, что процесс квалификации носит не статический, а динамический характер, квалификация – и процесс, и результат [9, с. 5, 7-8]. Именно квалификация преступного деяния позволила усилить и обогатить концепцию взаимосвязи материального и процессуального права. Думается, А.Д. Прошляков не случайно обосновал тезис о том, что юридическая квалификация – это динамический комплексный процесс применения материально-правовых и процессуальных норм на различных стадиях уголовного судопроизводства, который не заканчивается даже после вступления в силу приговора суда, так как это может быть связано с принятием нового уголовного закона, имеющего обратную силу [10, с. 111].

Так, уникальна по своей правовой природе судьба одного уголовного дела и самого осужденного. По жалобе осужденного В.Н. Кондакова Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации было установлено, что заявитель находился под стражей в местах лишения свободы незаконно, без какого-либо судебного решения 1 год 5 мес. и 16 дней. Это было связано с изменением в 1994 г. ряда норм УК РСФСР, согласно которым преступность некоторых деяний была устранена. Кондаков должен был освободиться вскоре после вступления в силу этих изменений 15 июля 1994 г. Решение суда об освобождении В.Н. Кондакова состоялось 14 февраля 1996 г., а 16 мая 1996 г. у него закончился семилетний срок осуждения и он вышел из колонии. 17 мая 1996 г. в ИТК-4 зарегистрировали поступление документов на его досрочное освобождение. Возможно, этот факт не был бы достоянием гласности, но проблема кроется в более глубинных процессах материального права. Когда Кондаков был очередной раз осужден и ему назначено было наказание 3 года 6 мес., он начал обращаться с жалобами с просьбой «зачесть» ему отбытие в колонии «того срока» – полтора года. Однако никаких «взаимозачетов» с осужденными наше законодательство не предусматривает. Уполномоченный по правам человека в РФ усмотрел в этом нарушение прав человека и подал исковое заявление о возмещении морального и материального вреда [11, с. 1, 12].

При подготовке данного исследования было изучено 62 учетных дела малолетних, содержащихся в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей МВД по РТ (ЦВСНП МВД по РТ), 38 судебных решений о помещении несовершеннолетних в ЦВС НП МВД по РТ, 70 поста-

новлений от отказа в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности. Из всех изученных учетных дел несовершеннолетних только в одном (!) случае следователь в соответствии с требованиями УПК РФ 2001 г. вынес постановление о прекращении уголовного преследования после возбуждения уголовного дела и выяснения всех обстоятельств совершенного деяния, установив причины и условия совершения преступления, образ жизни семьи несовершеннолетнего, его психологические качества личности, уровень влияния окружавших его взрослых людей [12].

В изученных постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела в 62 % случаях применён п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – «отсутствие в деянии состава преступления», 38 % случаев – ч. 3 ст. 27 УПК РФ, в соответствии с которой прекращается уголовное преследование в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Таким образом, думается, что к одной и той же процессуальной ситуации на практике применяются различные нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие неоднородные по правовой природе процессуальные ситуации. Без возбуждения уголовного дела формально описывается состав преступления, составляются рапорты, берутся объяснения от перепуганных малолетних граждан, большинство которых в суде не могут объяснить причину своего поведения [13]. В данных постановлениях без возбуждения устанавливались следующие виды преступлений: 1) ч. 2 ст. 158 УК РФ – 27,9 %. 2) ч. 1 ст. 163 УК РФ – 25,5 %. 3) ч. 1 ст. 159 УК РФ – 18,6 %. 4) ч. 2 ст. 163 УК РФ – 13,9%. 5) ч. 1 ст. 116 УК РФ – 11,6 %. 6) ст. 207 УК РФ – единственное постановление. Таким образом, в основном фактически речь шла о преступлениях, которые преследуются в порядке публичного обвинения (ч. 5 ст. 20 УПК РФ), частное обвинение могло быть осуществлено только в 11,5 % случаев. Причем в 25,5 % постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не указывались квалифицирующие признаки преступления, а формально констатировался состав преступления – ст.ст. 158, 159, 163 УК РФ и т.п.².

Таким образом, возможность изменения правовой квалификации преступного деяния имеет под собой и социальную природу, так как непосредственного затрагивает законные права и интересы граждан в уголовной юстиции. Традиционно вопросы квалификации исследуются уголовно-правовой

наукой, которая не может избежать как общетеоретических основ уголовного права и его институтов [15-17], так и при характеристике отдельных составов преступлений [18].

Квалификационные ошибки правоприменителей могут проявиться на любом этапе производства по уголовному делу. В досудебном производстве при возбуждении уголовного дела квалификация деяния охватывается основаниями для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Причем закон позволяет правоприменителю располагать «наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Таким образом, дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В тоже время закон не запрещает отказ в приеме сообщения о преступлении, который может быть обжалован прокурору или в суд (ч. 5 ст. 144 УПК РФ). В данном случае материально-правовая структура возбуждения уголовного дела обязывает: а) обосновать возбуждение уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ) или в) отказ в приеме сообщения о преступлении (ч. 5 ст. 144 УК РФ), или г) возратить материалы прокурорам для дополнительной проверки.

В советский период развития науки уголовно-процессуального права были разработаны концептуальные основы процессуальных гарантий при пересмотре и изменении судебных решений. Как отмечал проф. М.С. Строгович, в системе уголовно-процессуального права, наряду с принципами и институтами, обеспечивающими вынесение законных, обоснованных и справедливых приговоров судов первой инстанции, в уголовном процессе существует система надзора, являющаяся необходимым условием правильного осуществления правосудия [19, с. 27-28]. П.А. Лупинская, И.Д. Перлов, Э.Ф. Куцова обосновали необходимость применения правового механизма исправления квалификационных ошибок в уголовном судопроизводстве [20; 21, с. 19; 22, с. 81]. Цикл работ профессора Казанского университета Ф.Н. Фаткуллина посвящен сущности обвинения и его изменению в различных стадиях уголовного судопроизводства. Ф.Н. Фаткуллин отмечал, что пересмотр вышестоящими судами ряда дел завершается установлением ошибочности выводов суда первой инстанции в части предъявленного обвинения и принятием мер к исправлению этой ошибки. При проверке законности и обоснованности оправдательного приговора какие-либо изменения обвинения, отвергнутого судом первой инстанции, вообще немыслимы, поскольку в советском уголовном процессе апелляция не допускается [23, с. 144]. Однако далее в работе профессор считает возможной отмену оправдательного приговора, например, по жалобе потерпевшего, и тогда обвинение

² «Несовершеннолетний Н. взял у матери 100 руб, обещал помыть какую-либо автомашину и вечером отдать деньги, но у него не получилось» – квалификация по ч. 1 ст. 159 УК РФ (учетное дело № 298/2003 г.). Постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела по исследуемому основанию по делам частного обвинения (ст. 116 УК РФ) заинтересовался Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан в соответствии со своими полномочиями по защите прав граждан [14, с. 125-131].

рассматривается повторно по существу судом первой инстанции на общих основаниях. Даже изменение оправдательного приговора по жалобе оправданного суд может изменить приговор, однако не происходит преобразования в существе обвинения: уточняется лишь формулировка, по которой оно считается несостоятельным. И все-таки, профессор Ф.Н. Фаткуллин находит процессуальный термин – *о п р о в е р ж е н и е* обвинения, который фактически свидетельствует о возможности применения по уголовным делам пересмотра дела по существу (апелляция) в будущем [24, с. 311; 25, с. 94-98].

В работе «Обвинение и судебный приговор» профессор Ф.Н. Фаткуллин в середине 60-х гг. XX века говорит о современных проблемах: оправдательный приговор – важнейшее средство реабилитации невиновного, законная сила приговора, опровержение обвинения в вышестоящем суде, изменение обвинения в суде. Ошибки в квалификации имеют не только уголовно-правовые, но и уголовно-процессуальные последствия. Одним из таких последствий является возвращение уголовного дела для дополнительного расследования компетентными субъектами уголовно-процессуальной деятельности (руководителем следственного органа, прокурором).

В середине 80-х гг. XX века в условиях действия прежнего УПК РСФСР 1960 г. существовали правовые условия возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. С.А. Шейфер выявил причины следственных ошибок и обосновал необходимость их устранения на любом этапе уголовного судопроизводства [26]. В связи с этим исследователями была предложена необходимость теоретического обоснования восполнимых и невосполнимых пробелов предварительного расследования и возможности их восполнения в суде первой инстанции [27, с. 87]. Так, Е.Г. Веретехиным было изучено 800 уголовных дел за 1977-1985 гг., по которым были выявлены некоторые закономерности правоприменительной практики, которые необходимы для оценки современной ситуации при исследовании квалификационных ошибок и механизме их исправления. При возвращении уголовных дел на дополнительное расследование в 28,6 % случаях не исследовано событие преступления и связанные с ним обстоятельства [27, с. 16]. Анализ уголовно-процессуальных документов того времени показывал, что наиболее распространенными ошибками в описательно-мотивировочной части являются отсутствие конкретизации фактических обстоятельств дела (места, времени совершения деяния), последовательности преступных действий – 12 %, а также отсутствия ссылок на номер или часть статьи УПК – 15,3 %, на номер и часть статьи УПК – 2,8 % [28, с. 30-31].

В начале XXI века исследования в области уголовно-процессуального права концептуально обосновали влияние следственных ошибок на

ошибки суда. Так, А.Д. Назаров констатирует, что в структуре следственных ошибок неправильное применение уголовного закона составляет 15,6 % [29, с. 23]. Н.Н. Китаев производит системный анализ допущенных ошибок неправосудных приговоров и обосновывает вывод о необходимости комплексного исследования проблемы [30, с. 17]. Г.П. Химичева обосновала концепцию совершенствования уголовно-процессуальной деятельности при устранении нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел. Так, отмечается, что незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела происходит в 9,1 % случаев (от общего количества выявленных характерных нарушений на стадии возбуждения уголовного дела), в 16,2 % случаев – незаконен и необоснован отказ в возбуждении уголовного дела [31, с. 110]. Причины нарушений в уголовно-процессуальной деятельности, как отмечают авторы, могут иметь объективный и субъективный характер, о чем свидетельствовал опрос респондентов [32, с. 218].

Представляется, что проблема единства первоначальной квалификации, фактических обстоятельств и юридической формулировки преступления требует комплексных исследований в области уголовного права и уголовно-процессуального права.

Литература:

1. Рязановский В.А. Единство процесса// Административная юстиция. Конец XIX – начало XX века. Хрестоматия. Часть 2 – Воронеж, 2004. – 123 с.
2. Гольмстен А.Х. Принцип торжества в гражданском процессе. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884.
3. Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 г. (Очерк кассационного порядка отмены решений). – СПб., 1874. – 632 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – 566 с.
5. Фойницкий И.Я. О вознаграждении к суду уголовному привлекаемых. – СПб.: Типография правительствующего Сената, 1884.
6. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – СПб.: Тип. Меркушева, 1913.
7. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 3-е пересмотренное издание. – Петроград: Изд-во «Право», 1916. – 517 с.
8. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск, 1991 – 150 с.
9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – 352 с.

10. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. – Екатеринбург, 1997. – 111 с.
11. Нечаев В. Нефть не сахар // Российская газета. – 2004. – 10 марта. – № 47(3424). – С. 12.
12. Архив ЦВСНП МВД по РТ за 2003/2004 гг., дело № 311 (использован репрезентативный метод исследования).
13. Судебные решения по делам лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (№№ 232, 261, 299, 384, 386, 487, 622 и др. – архив ЦВСНП МВД по РТ).
14. Муратова Н.Г. Проблемы судебного производства по делам лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (внепроцессуальный судебный контроль) // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА(СЮИ). Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. – С. 125-131.
15. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 2004. – 304 с.
16. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 166 с.
17. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург, 1995. – 372 с.
18. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 479 с.
19. Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 319 с.
20. Лупинская П.А. Пересмотр приговоров, определений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора. – М., 1978. – 52 с.
21. Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. – М. Гос. юриздат, 1957. – 227 с.
22. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. – М., 1968. – 394 с.
23. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 144 с.
24. Муратова Н.Г. Апелляция в уголовном процессе // Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе. – Казань, КГУ, 2002. – 311 с.
25. Муратова Н.Г. Апелляционный процесс и его перспективы в России // Ученые записки Казанского государственного университета. – 1996. – С. 94-98.
26. Шейфер С.А., Лазарева В.А., Исмакаев Л.П. Следственные ошибки и их причины // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности при расследовании преступлений органами внутренних дел. – Киев, 1988. – 118 с.
27. Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 88 с.
28. Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования (вопросы теории и практики). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 118 с.
29. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 323 с.
30. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 384 с.
31. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В., Мичурин В.С. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения. – М.: Московский ун-тет МВД России, 2004.
32. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003. – 399 с.

The Significance of Changes in the United System of Primary Classification, Factual Circumstances and Legal Wording of Offence

N. Mouratova

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper is one of the series of articles dedicated to the significance of unity of classification of crimes and offences in law enforcement practice. Modern conceptions of the significance of adequate classification of crimes and offences should correspond to the contemporary competitive model of criminal procedure, unity of judicial practice and opportunity to correct classifying, factual and juridical errors in law enforcement practice.

Key words: classification, crime components, unity of judicial practice, classifying mistakes, filling of the gaps of classification, models of adequate classification.